

Лебедева О. А. Оценочный потенциал лексем — репрезентантов концепта ИСТИНА в русском языке / О. А. Лебедева, Е. Е. Смирнова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 70—88. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-70-88.

Lebedeva, O. A., Smirnova, E. E. (2022). Evaluative Potential of Lexemes — Representatives of the Concept TRUE in Russian. *Nauchnyi dialog*, 11(6): 70-88. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-70-88. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-70-88

Оценочный потенциал лексем — репрезентантов концепта ИСТИНА в русском языке

Лебедева Ольга Александровна
orcid.org/0000-0001-9180-0326
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры преподавания
русского языка в других языковых
средах
lebedevaoa1981@mail.ru

Смирнова Екатерина Евгеньевна
orcid.org/0000-0003-3236-2957
кандидат филологических наук
доцент кафедры преподавания
русского языка в других языковых
средах,
руководитель Центра образовательных
программ для иностранных граждан
ees@int.unn.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Evaluative Potential of Lexemes — Representatives of Concept TRUE in Russian

Olga A. Lebedeva
orcid.org/0000-0001-9180-0326
PhD in Pedagogics, Associate Professor,
Department of Teaching Russian Language
in Other Language Environments
lebedevaoa1981@mail.ru

Ekaterina E. Smirnova
orcid.org/0000-0003-3236-2957
PhD in Philology
Associate Professor, Department
of Teaching Russian Language
in Other Language Environments,
Head of the Center for Educational
programs for foreign citizens
ees@int.unn.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Лебедева О. А., Смирнова Е. Е., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Осуществлено исследование оценочного потенциала концепта ИСТИНА в русской языковой картине мира. Представлены результаты анализа употреблений слова *истинный* в роли качественного прилагательного с оценочной семантикой и слова *истинно* в роли качественного наречия с семантикой степени проявления свойства, признака или действия / состояния по материалам Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга авторов в русскоязычном сегменте сети Интернет. Показано, что в совокупном смысловом наполнении концепта ИСТИНА реализовано два смысловых пласта его концептуального содержания в современном русском языке: соответствие реальности; соответствие норме в мире людей, высшему идеалу. Обнаружены следующие разновидности употреблений качественного прилагательного *истинный* и качественного наречия *истинно* в роли вторичной оценки на базе общего значения 'соответствующий идеалу в мире норм и ценностей говорящего': значение 'идеальный, образцовый, совершенный'; значение 'полный, дошедший / доведенный до максимальной степени проявления сущности, названной определяемым словом' и значение сильной степени проявления чего-либо. Делается вывод о том, что слова *истинный* и *истинно* воплощают субъективные нравственно-ценностные представления носителей языка о том, как должно быть в мире человеческих отношений, а не о том, «как есть на самом деле».

Ключевые слова:

лингвокультурология; концепт ИСТИНА; истинный; истинно; оценочный потенциал лексем; концептуальный анализ; русская языковая картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study of the evaluative potential of the concept TRUTH in the Russian language picture of the world has been carried out. The results of the analysis of the use of the word *true* in the role of a qualitative adjective with evaluative semantics and the word *truly* in the role of a qualitative adverb with the semantics of the degree of manifestation of a property, feature or action / state are presented based on the materials of the Russian National Corpus and the authors' own Internet monitoring in the Russian-speaking segment of the Internet. It is shown that in the total semantic content of the concept TRUTH, two semantic layers of its conceptual content in the modern Russian are realized: correspondence to reality; compliance with the norm in the world of people, the highest ideal. The following varieties of uses of the qualitative adjective *true* and the qualitative adverb *truly* as a secondary assessment based on the general meaning of "corresponding to the ideal in the world of norms and values of the speaker" were found: the meaning is "ideal, exemplary, perfect"; the meaning is "full, reached / brought to the maximum degree of manifestation of the entity named by the defined word" and the meaning of a strong degree of manifestation of something. It is concluded that the words *true* and *truly* embody the subjective moral and value ideas of native speakers about how it should be in the world of human relations, and not about "how it really is".

Key words:

linguoculturology; concept TRUE; true; truly; evaluative potential of lexemes; conceptual analysis; Russian language Worldview.

УДК 811.161.1'37

Оценочный потенциал лексем — репрезентантов концепта ИСТИНА в русском языке

© Лебедева О. А., Смирнова Е. Е., 2022

1. Введение = Introduction

В статье обсуждаются промежуточные результаты очередного этапа предпринятого нами исследования особенностей семантического наполнения и языкового воплощения концептов ПРАВДА и ИСТИНА в русской языковой картине мира [Смирнова, 2017]. Комплексное лингвокультурологическое описание указанных концептов является частью многолетнего коллективного исследовательского проекта ученых Института филологии и журналистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского по созданию учебного словаря социально значимых концептов в современной русской культуре [Смирнова, 2017; Ручина, 2018; Радбиль и др., 2019а; Радбиль и др., 2019б; Радбиль и др., 2020а], а по его итогам формируется соответствующая словарная статья.

Многие философы и культурологи отмечают, что наличие двух антиномичных концептов ПРАВДА и ИСТИНА для семантического покрытия единого концептуального пространства, в западных языках обычно обозначенного одной номинацией (*veritas, truth* и под.), составляет исключительное своеобразие именно русской культуры [Черников, 1999; Лишаев, 2006]. В лингвистической научной литературе концептуальная связка ПРАВДА — ИСТИНА также рассматривается как одна из доминант русской языковой картины мира [Зализняк и др., 2005]. В целях нашего исследования важно подчеркнуть, что в оппозиции концептов ПРАВДА и ИСТИНА за воплощение субъективных, нормативно-ценностных смысловых акцентов в данном концептуальном содержании в русской культуре «отвечает» как раз ПРАВДА — как то, что *правильно в сфере человеческих отношений*; ИСТИНА же представлена как некая абсолютная объективная данность — как то, что *есть на самом деле вне мира человека*, либо в сфере философии, логики, науки, либо в сфере божественной [Арутюнова, 1991; Шмелев, 1995].

Однако наши наблюдения над функционированием слов *истина, истинный, истинно, воистину, поистине* и др., которые воплощают концепт ИСТИНА в языке и речи, показали, что в естественно-языковой практике носителей русского языка как выразителей «наивной» модели мира [Апресян, 1986, с. 5—9] *истина* и *истинный* далеко не всегда понимаются как маркеры соответствия чего-либо объективной действительности. Они за-

частую приобретают различные эмоционально-экспрессивные и оценочные оттенки смысла, которые выражают ценностную позицию говорящего по отношению к обозначаемым объектам или свойствам и при этом никаким образом не реализуют установку на верификацию знаний о мире, на постижение того, «как есть на самом деле».

Все это позволяет обосновать избранный в этой работе ракурс исследования концепта ИСТИНА в плане выявления его оценочного потенциала, актуализированного в речевой реализации слов — репрезентантов указанного концепта.

Наше исследование, как нам кажется, имеет и существенную практическую ценность, которая связана с возможностью использовать его результаты в вузовском преподавании учебных предметов лингвокультурологической направленности, а особенно — в преподавании русского языка как иностранного, прежде всего в аспекте работы по формированию лингвокультурной и лингвострановедческой компетенции, как это, например, изложено в работе [Митрофанова и др., 2017].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Представления об истине попали в сферу научных интересов философии и других направлений гуманитарного знания еще с античных времен. Однако собственно лингвистическое изучение концепта ИСТИНА в отечественной науке о языке началось сравнительно недавно и активизировалось примерно в начале 90-х годов XX века. Это связано с появлением знаковой статьи Н. Д. Арутюновой «Истина: фон и коннотации» [Арутюнова, 1991], а также работ В. А. Лукина [Лукин, 1993] и А. Д. Шмелева [Шмелев, 1995]. Этапным научным событием в утверждении логического и концептологического подхода к анализу представления об истине стал выход очередного тематического выпуска продолжающегося издания «Логический анализ языка» с характерным названием «Истина и истинность в культуре и языке» [Логический анализ языка, 1995]. Далее этот подход развивается в знаменитом словаре Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [КСРК, 1997] и в коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк и др., 2005].

Для современного состояния вопроса характерен акцент на сопоставительных полилингвальных исследованиях данного концепта [Агиенко, 2005; Земскова, 2006; Шатилова, Борисова, 2017]. Активно изучается концепт ИСТИНА в психолингвистике [Жаворонкова, 2015], в медиалингвистике [Антропова, 2018] и в лингвострановедческом аспекте [Митрофанова и др., 2017]. В зарубежном гуманитарном знании имеют продолжение традиции рассмотрения проблемы истины и истинности в рамках научной

парадигмы прагматики и теории речевых актов [Papafragou, 2006; Orr et al., 2021], а также в контексте дискурс-аналитических штудий [Poole et al., 2019]. Однако при всем многообразии затрагиваемых тем и проблем в изучении истины и истинности в интересующем нас аспекте языковых механизмов развития ценностного потенциала концепта ИСТИНА исследования еще не проводились, что обуславливает научную новизну работы.

Цель исследования — рассмотреть семантические и коннотативно-оценочные преобразования лексем *истинный* и *истинно* в русской речи с точки зрения их роли в выражении ценностного потенциал концепт ИСТИНА.

Научный инструментарий исследования базируется на когнитивно ориентированном антропоцентрическом подходе к анализу фактов языка [Lakoff, 2015; Sperber, Wilson, 2015] и на принципах описания «языка культуры», предложенных А. Вежбицкой [Wierzbicka, 2018]. В основу конкретной методики предпринятого исследования положена технология описания ключевых концептов культуры, разработанная в Нижегородской научной школе [Ручина, 2018; Радбиль и др., 2020б], и процедура комплексного многоуровневого анализа семантических преобразований как проявления активных процессов в языке и речи [Социокультурные и прагматические аспекты, 2018; Радбиль и др., 2021].

Это позволяет обосновать концепцию исследования, которая заключается в поиске, выявлении и последующей интерпретации таких репрезентативных контекстов, в которых интересующие нас лексемы *истинный* и *истинно* по тем или иным причинам утрачивают свои первичные верификационные или эпистемические значения, связанные с выражением соответствия объекта, признака или действия / состояния действительности или с выражением объективного знания о мире, его устройстве и закономерностях, и приобретают вторичные значения, связанные уже с выражением точки зрения субъекта на характеризруемые объекты, признаки или действия / состояния, его личностного отношения к ним, его идеалов, ценностей и предпочтений.

Материалами для исследования являются: (1) лексикографические описания лексем *истинный* и *истинно* в русских толковых словарях [ССРЛЯ, т. V; БТСРЯ]; (2) языковые данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и собственного интернет-мониторинга в русскоязычном сегменте сети интернет [ИМ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В разделе последовательно освещаются употребления слова *истинный* в роли качественного прилагательного с оценочной семантикой и слова *истинно* в роли качественного наречия с семантикой степени проявления свойства,

признака или действия / состояния. Предполагается, что именно эти классы употреблений выступают в качестве языковых механизмов реализации ценностного потенциала концепта ИСТИНА в русской языковой картине мира.

3.1. Ценностный потенциал концепта ИСТИНА по данным лексикографических источников: постановка вопроса

В наших предыдущих исследованиях, посвященных описанию концепта ИСТИНА по данным лексикографических источников [Смирнова, 2017], мы определили возможные факторы переосмысления данного концепта в нормативно-регулятивном и субъективно-оценочном плане. Так, в 17-томном академическом словаре русского языка фразеологизм наставлять, направлять на путь истины толкуется как ‘учить поступать правильно’ [ССРЛЯ, т. V, стлб. 536]. В этом аспекте важны и данные этимологии. Академик Ю. С. Степанов утверждает, что древнерусское истина должно рассматриваться как восходящее к общему индоевропейскому корню с латинским *iustus* ‘справедливый, добросовестный, честный, законный’ (от существительного *ius, iuris* с тем же кругом значений). Ученый утверждает, что «исть первоначально означает ‘соответствующий определенному ритуалу (религиозному или правовому); правильно, по правилам сказанный или совершенный; соответствующий порядку и закону’» [КСРК, с. 440]. Наконец, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова в толковании первого значения слова истина мы также находим указание на возможность нравственной интерпретации этого понятия: «ИСТИНА, -ы; ж. 1. То, что соответствует действительности; правда. Жизненная и. Горькая и. (неприятное, но справедливое замечание, суждение и т. п.). Наставить, направить кого-л. на путь истины (научить поступать правильно), || Правдивость, подлинность. || Нравственный идеал» [БТСРЯ, с. 403].

На основании этого в описании совокупного смыслового наполнения концепта ИСТИНА по данным словарей мы сформулировали когнитивный признак 3: ‘нравственный идеал, справедливость, добро’ [Смирнова, 2017, с. 177]. В целом исследование позволило выявить два смысловых пласта, два основных слоя его концептуального содержания в современном русском языке: (1) соответствие реальности, действительности; (2) соответствие норме в мире людей, высшему идеалу. Именно последняя концептуальная составляющая и становится, на наш взгляд, основой для формирования ценностного потенциала концепта ИСТИНА. Как показало данное исследование, возможность переосмысления концепта ИСТИНА в нравственном или оценочном ключе реализуется прежде всего в производных словах — в прилагательном *истинный* и в наречии *истинно* как репрезентантах концепта ИСТИНА в условиях их вторичных употреблений, то есть в номинативно-производных и переносных значениях.

3.2. Лексема *истинный* в роли качественного прилагательного с оценочной семантикой

Прилагательное *истинный* в научном дискурсе, в философии, логике и теоретической семантике выражает логическую валентность пропозиции (суждения), то есть имеет терминологическое значение ‘соответствующий действительности’, в противоположность *ложный*: «*Вашингтон — столица США*» — это истинное суждение; «*Нью-Йорк — столица США*» — это ложное суждение. Прилагательное в этом значении, присущем исключительно метаязыку науки, является относительным: ‘имеющий отношение к истинности суждения’.

Однако еще Н. Д. Арутюнова заметила, что в естественном языке, в обыденном употреблении, это и ему подобные прилагательные являются вторичными оценками [Арутюнова, 1991] и они употребляются применительно не к суждениям или высказываниям в метаязыковой функции, а к объектам другой природы — предметам, ситуациям и даже к людям. И тогда они приобретают несколько иные значения. Ср., например, показательный в этом отношении и несколько странный случай атрибуции прилагательным *истинный* существительного забор (*истинный забор*): *Дошли до церкви. От неё свернули направо. Пока всё было правильно. Наконец возник голубой забор, тот самый, истинный* (Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)). — В дальнейшем контексте речь идет о том, что два приятеля никак не могли в темноте найти голубой забор, который им называли в качестве ориентира того места, к которому они направлялись. Здесь употребление прилагательного *истинный* выступает как «интерактивная характеристика», в духе работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], явным образом характеризую не объективное свойство самого забора, а ценностную реакцию говорящего по отношению к нему — ‘именно тот забор, который нам нужен, который мы искали, в ряду остальных похожих на него заборов’.

В 17-томном академическом словаре русского языка для прилагательного *истинный* указываются следующие значения: « 1. Действительный, настоящий, несомненный // Неподдельный, подлинный; 2. Правильный, верный» [ССРЛЯ, т. V, стлб. 533]. Для прилагательного *истинный* уже в этих значениях можно обнаружить возможность перехода от относительного прилагательного к качественному, о чем свидетельствуют следующие признаки качественного прилагательного в контекстах из Национального корпуса русского языка:

(1) возможность образовать краткую форму:

Мы утверждаем, что наша православная форма церковного устройства истинна и универсальна (Иоанн Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире (1992)) [НКРЯ];

Что за проблема? — с лёгкостью ответит нам А. Т. Ф., — откуда мы знаем, что все эти даты истинны? (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // Вопросы языкознания, 2000) [НКРЯ];

(2) возможность образовать степени сравнения:

Чем истиннее знания отображают окружающие влияния, тем точнее человек выбирает ориентиры (Е. Г. Брындин. Взаимодействие символически мыслящего робота с внешней средой и человеком // Информационные технологии, 2004.06.28) [НКРЯ];

С Полиной в полной мере работает принцип экономии мышления — если есть возможность доказать что-то несколькими способами, то для нее самый истинный тот, что короче (Е. В. Колина. Дневник измены, 2011) [НКРЯ];

(3) возможность сочетания с наречиями, выражающими степень проявления качества:

Действительно, можно ли предложить абсолютно истинный (по крайней мере, признаваемый таковым ведущими специалистами по отечественной истории) ответ на вопрос «Почему после победы в Бородинском сражении российские войска оставили Москву?» (И. Д. Рудинский. Модель нечеткого оценивания знаний как методологический базис автоматизации педагогического тестирования // Информационные технологии, 2003) [НКРЯ];

Заметим в скобках, что Бережков просил принести извинение читателям в том, что из его повествования выпали такие события, как женитьба Ганышина, рождение его дочери, а также потрясающая эпопея обмена двух комнат в разных районах на две вместе, те самые, куда теперь переносится действие этого новогоднего рассказа, совершенно фантастического и совершенно истинного, как объявил Бережков (А. А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова)) [НКРЯ].

Сама возможность употребления слова *истинный* как качественно-прилагательного способствует его функционированию как вторичной оценки [Арутюнова, 1991], то есть переосмыслению его исходной семантики по линии так называемых «неверифицируемых», собственно оценочных, значений. Речь идет о значениях, которые выражают идею соответствия лиц, объектов, эмоций, чувств, состояний, ситуаций, абстрактных понятий и пр., обозначенных определяемыми словами, представлениями говорящего о норме, ценности, идеале. В основе этого смыслового преобразования лежит следующая импликация когнитивной модели ситуации [Кустова, 2004]: ‘то, что можно узнать, понять’ [верифицируемое значение] → ‘то, что можно принимать или не принимать’ [неверифицируемое значение]. Именно эта импликация порождает возможность возникнове-

ния у прилагательного *истинный* разнообразных положительно-оценочных коннотаций.

В нашем материале обнаружены следующие разновидности употреблений качественного прилагательного *истинный* в роли вторичной оценки на базе общего значения 'соответствующий идеалу в мире норм и ценностей говорящего'.

3.2.1. Значение 'идеальный, образцовый, совершенный'. Это значение проявляется в сочетании с существительными, которые являются — реально или потенциально — носителями какой-либо общественно или лично значимой ценности: *Вкусовые качества форели превосходны. Это истинный деликатес для истинных гурманов* (<https://www.fish-hook.ru/hukopediya>) [ИМ].

Как правило, в контексте приводится расшифровка, в чем, собственно, заключается «идеальность» денотата определяемого слова, или хотя бы перечислены некоторые признаки.

А когда человек может принести среди бела дня книгу, которую считает дрянью, и обменять на хорошую — это и есть истинная демократия, — сказал на пресс-конференции лидер «Идущих вместе» Василий Якеменко (М. Носкович, И. Подлесова. «Идущие» начали книгообмен // Известия, 2002.02.06) [НКРЯ];

Однако истинный федерализм невозможен без установления единых правил игры для всех участников процесса государственного строительства, решили участники семинара (Г. Ильичев. Зачем губернатор ворует. Ученые мужи обсудили проблему федерализма // Известия, 2001.11.20) [НКРЯ].

Если определяемое существительное обозначает члена какой-либо категории (применительно к конкретным одушевленным или неодушевленным существительным) или имеет ролевую семантику (обозначение профессии или рода занятий, социальной, возрастной или гендерной принадлежности, семейного положения и под.), то данное значение переосмысливается как 'протопический (член данной категории)'. В этом употреблении расшифровывающая конкретизация факультативна:

Золотистый ретривер. Был выведен в Шотландии в конце XIX века для апортировки подбитой птицы, но очень скоро стал породой, завоевавшей тысячи сердец как отличный домашний любимец, истинная собака-компаньон (<https://www.proplan.ru/dog/article>) [ИМ];

Дело осложняется тем, что самый истинный интеллигент — не ангел; и прихоти, и амбиции у него бывают, да еще какие; и все-таки разве проблема сводится к его личной гордыне? (С. С. Аверинцев. Попытки объясниться. Беседы о культуре, 1981—1987);

*Это мелочь по сравнению с тем, что происходит в дальнейшем, когда Волан-де-Морт ведет себя как **истинный политик** в самом неприглядном смысле этого слова (М. Штейнман. Политические смыслы «Гарри Поттера», 2016) [НКРЯ];*

*Не выставлял он своих чувств напоказ, не демонстрировал гордость (хотя вполне объяснимую): **истинный мужчина**, он не гарцевал в мужественности поступков и чувств, но, как уже сказала, мне досталась, выпала его дружба (Галина Шергова. ... Об известных всем, 2002—2004) [НКРЯ];*

*Ему нравится портрет, который в последние годы нарисовала мировая (в особенности американская) пресса — **истинного палестинца**, с юных лет боровшегося за свободу своего народа (Вячеслав Белаш. Организатор освобождения Палестины // Коммерсантъ-Власть, 1999) [НКРЯ].*

В неузуальных употреблениях слово *истинный* в указанном значении может переосмысливаться как общеоценочный предикат ('производящий прекрасное, очень хорошее впечатление'): *На постоянной выставке у Лиды Корвин висит большой, ранний, **очень истинный и хороший этюд берез** (А. Н. Бенуа. Дневник, 1923) [НКРЯ].*

3.2.2. Значение 'полный, дошедший / доведенный до максимальной степени проявления сущности, названной определяемым словом'. Условия реализации этой разновидности оценочного значения также заключаются в характере определяемого слова. Это, как правило, отглагольные или отадективные существительные, обозначающие чувство или состояние, которые могут мыслиться в большей или меньшей степени (*полные, исключительные: счастье, удача, радость, восхищение* и пр.):

*Я обозревал шестаковские ноги с **истинным восхищением** и даже некоторой гордостью — хоть один человек из нашей камеры не носит портянок (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы, 1954—1961) [НКРЯ];*

*И всё это — и невероятной красоты голос, и прекрасная вокальная техника, и дивная **музыка** — доставляло **истинное наслаждение** (И. К. Архипова. Музыка жизни, 1996) [НКРЯ];*

*Зато получила **истинное удовольствие** от участия в спектаклях знаменитого парижского театра «Комеди Франсез», который в 1954 году гастролировал в Москве (И. К. Архипова. Музыка жизни, 1996) [НКРЯ];*

*Юношей Николай играл на кларнете; не отличаясь **истинной музыкальностью**, никогда не ошибался ни в нотах, ни в ритме (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны, 1988—1989) [НКРЯ].*

Очень часто подобные позитивно-оценочные преобразования встречаются в контекстах метафорического употребления:

Истинным бальзамом для их души стала снятая в 1950 году Пырьевым музыкальная комедия «Кубанские казаки» (В. Быков, О. Деркач. Книга века, 2000) [НКРЯ];

А чистая, не оскверненная промышленными стоками Печора для рыбы — истинный рай (Уральское диво // Вокруг света, 2004.07.15) [НКРЯ].

3.2.3. Значение сильной степени проявления чего-либо. Вариантом указанного «количественного» значения является значение просто сильной степени проявления чего-либо. Отличие этого типа значения состоит в том, что в позиции определяемых слов могут выступать номинации, содержащие и потенциально отрицательные коннотации (*сильные: печаль, тревога, страдание* и пр.):

Но по крайней мере однажды он испытал истинное горе, — в тот день, когда покидал отечество ... (https://books.google.ru/books) [ИМ];

Пыль — истинное проклятье тех, кто спешил следом — на время невиданного прыжка облагородила его лицо, покрыв серым гримом лоскутья и обнаженные зубы (И. Бояшов. Танкист, или «Белый тигр», 2008) [НКРЯ];

... результаты химического анализа, проводимого с помощью сложного аналитического оборудования, во многих случаях не позволяют оценить истинную опасность тех или иных загрязнителей... (Экологическое состояние р. Москвы на территории Раменского района Московской области // Геоинформатика, 2004) [НКРЯ];

Это доказывают его авторские корректуры, которые составляли, подобно корректурам Толстого, истинную муку редакторов (А. Ф. Кони. Иван Александрович Гончаров, 1911) [НКРЯ].

3.3. Лексема истинно в роли качественного наречия с семантикой степени проявления свойства, признака или действия / состояния

Еще большим оценочным потенциалом обладает качественное наречие истинно, хотя русские словари не отражают эти возможности. Практические во всех словарях указано значение по значению прилагательного *истинный* ‘соответствующий действительности’ или ‘настоящий, подлинный’, а также указывается на возможность употребления в качестве вводного = ‘в самом деле, на самом деле’ [ССРЛЯ, т. V, 1956, стлб. 538; БТСРЯ, с. 403]. Однако, согласно нашим наблюдениям, для говорящих по-русски, употребляющих наречие *истинно*, семантика соответствия действительности не очень актуальна. Трудно, например, усмотреть это значение в таком совершенно типичном употреблении этого наречия: *Он внезапно сообразил: Евстигней Фомин как истинно русский тип (русский, осового покроя, гений — мрачно-веселый и угрюмо-стремительный) вечен, неистребим (Борис Евсеев. Евстигней // Октябрь, 2010) [НКРЯ].*

Едва ли в этом контексте утверждается, что Евстигней на самом деле русский, то есть не принадлежит к другой национальности, или подлинный русский, то есть не мнимый, не притворяется русским. Конечно же, в этом контексте реализуется уже отмеченная нами для прилагательного *истинный* семантика соответствия идеалу, то есть тому, какими должны быть, в представлениях говорящего, образцовый русские люди.

Для начала отметим определенный параллелизм в разновидностях употреблений в роли вторичных оценок для прилагательного *истинный* и для наречия *истинно*. Наречие *истинно* также возможно в следующих значениях:

3.3.1. Значение ‘идеально, образцово, совершенно’. Это значение также может иметь расшифровывающий содержание идеала контекст:

Всё вкусно, всё прекрасно, и сельский механизатор показывал чуть ли не образцы истинно британского воспитания: он всегда, говоря с женой, так разворачивал тему, что находил повод спросить у гостя — а как он к этому вот относится? (Анатолий Азольский. Лопушок // Новый Мир, 1998) [НКРЯ];

Рубцов по-своему любил свою жизнь, себя в ней любил, но как истинно русский человек несколько пренебрежительно, иногда наплевательски относился к ней (Виктор Астафьев. Затеси, 1999 // Новый Мир, 2000) [НКРЯ].

Но, как и в случаях с прилагательным *истинный*, установка на соответствие идеалу или прототипу в подобных употреблениях наречия *истинно* может просто констатироваться; говорящий полагает, что адресату по умолчанию известны признаки данного идеала или образца. В этом отражается ориентация на стереотипы социума:

Потребуется время, возможно поколение, чтобы внешняя политика России перешла в рути ориентированной на Европу, истинно демократической элиты (Збигнев Бжезинский: ни Польша, ни Россия не смогут господствовать в Европе // Коммерсантъ-Власть, 1998) [НКРЯ];

Мы боремся за возврат на истинно социалистический путь (Владимир Федоткин. Власть и оппозиция // Советская Россия, 2003.07.03) [НКРЯ];

Корнелия, женщина глупая, но обладавшая звериной — истинно женской — интуицией, прочувствовала диспозицию с первых же дней пребывания в доме... (Сергей Дигол. Не забудьте выключить // Волга, 2014) [НКРЯ];

Этот мир и несёт человеку истинно человеческое (А. Н. Леонтьев. Биологическое и социальное в психике человека (1981)) [НКРЯ].

3.3.2. Значение ‘в полной мере / степени, исключительно’. Как и в случае с прилагательным *истинный*, наречие с таким значением употре-

бляется при словах, обозначающих положительно-окрашенные чувства, состояния, ситуации:

*Даренский не задумывался, почему возникшее в нём чувство превосходства над сослуживцами не рождало в нём снисходительной благожелательности к товарищам по работе — черты **истинно сильных** людей* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, 1960) [НКРЯ];

*Начну со времени самого отдалённого и с человека, память о котором мне **истинно дорога*** (В. Ф. Ходасевич. О меценатах, 1936) [НКРЯ];

*И всё, что радовало — **истинно радовало** — меня этими цветами, запахами, формами (а чего стоит один «Ганг» с его бесконечным разнообразием и сумочками-коробками, и ещё с хозяйственными сумками, излюбленными московской хипнёй) — всё стало другим* (Н. Б. Черных. Слабые, сильные // Волга, 2015) [НКРЯ].

Так же, как и в случае с прилагательным *истинный* в аналогичном значении, отмечены и контексты метафорического употребления:

*Жевать не стал, а только сосал, не ощущая содержащейся в корке горечи, чувствуя только **истинно елочный, новогодний мандариновый** аромат* (Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // Бельские Просторы) [НКРЯ];

*... который утром оказался **истинно королевским**: винно-красным, ликующим, неумирающим, и курился мириадами веселых пылинок, облегая силуэт спящей на боку Айи* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын, 2014) [НКРЯ].

3.3.3. Усилительное значение 'в сильной степени, сильно, крайне'.

Также проявляется в употреблениях при глаголах или прилагательных с реальной или потенциальной негативно-оценочной коннотированностью:

*Он расстанется с нею навсегда, и она пишет ему в прощальном письме: «Никто не может быть так **истинно несчастлив**, как ты, потому что никто не старается уверить себя в противном»* (Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // Октябрь, 2002) [НКРЯ];

*Наконец-то он нечто стал видеть, нечто, что в его сфере внимания было теперь **истинно странным**... Бегичев, может быть, еще хотел руками глаза закрыть?* (А. А. Поступинский. Бог № 264 // Волга, 2013) [НКРЯ].

Интересны в этом плане и употребления слова *истинно* в роли усилительной частицы — примерно в значении 'исключительно, решительно, просто и под.' (кстати, это значение не отмечается в словарях). Это контексты, в которых это слово относится к существительным. Обнаруженные нами контексты демонстрируют все три рассмотренных ранее разновидности оценочной семантики:

3.3.4. Значение 'идеальный, образцовый, совершенный': *Но это было другое — в моем мире это был истинно человек!* (А. А. Поступинский. Бог № 264 // Волга, 2013) [НКРЯ];

3.3.5. Значение 'полный, дошедший / доведенный до максимальной степени проявления сущности': *Вот это, чую диким нутром, истинно воля!* (В. Володин. Там, на краешке бессмертного лета. Быль // Волга, 2016) [НКРЯ];

3.3.6. Значение сильной степени проявления чего-либо: — Истинно муть, — сказал Петр Иванович. — Ну, так и быть. — И он подписал на истории болезни свою фамилию, согласие на перевод Мерзлякова к себе (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы, 1954—1961) [НКРЯ].

Примечательно, кстати, что употребления в роли усилительной частицы, отражающие разного рода тонкие и не всегда определяемые регистры оценочной реакции говорящего, характерны и для синонимичных частице *истинно* слов *поистине* и *воистину*:

А когда рисовала, все они представлялись воистину красавицами (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания, 2009) [НКРЯ];

Остается — как исторический архетип — легкая поступь Вещего Олега, воистину полководца-миротворца (Валерий Лобачев. Князь-волхв? // Наука и религия, 2008) [НКРЯ];

А всегда представлял глубоким старцем (вот старцы у него — поистине старики!) (В. Володин. Повесть вРемненных лет // Волга, 2009) [НКРЯ];

Он был поистине бардом. Не тем бардом, коими сегодня считают себя те, кто просто сам пишет и исполняет свои песни (Галина Шергова. ...Об известных всем, 2002—2004) [НКРЯ].

Укажем, что для этих слов словари также отмечают только наречные значения модального «верификационного» типа 'на / в самом деле'.

4. Заключение = Conclusions

В целом наше исследование еще раз продемонстрировало, что в реальных речевых практиках носителей русского языка концепт ИСТИНА вовсе не сводится к идее абсолютной объективной, внечеловеческой или сверхчеловеческой, данности. Как показали рассмотренные нами примеры, метаязыковая семантика истинности суждения или значение соответствия реальности не столь характерны для употребления таких репрезентантов данного концепта, как, например, прилагательное *истинный* или наречие *истинно*. Вообще в наивной модели мира, согласно современным антропоцентрическим представлениям, любая абстрактная сущность подлежит обязательной конкретизации по «мерке человека», то есть вписывается

в систему его идеалов и ценностей. Это характерно, например, и для таких доминантных для любой культуры абстрактных концептов, как время и пространство, сознание и совесть, свобода и необходимость, причина и следствие и пр. В этом же духе «очеловечивается» и концепт ИСТИНА, который, реализуясь в обыденном, неспециализированном употреблении языка, обнаруживает значительный оценочный, в основном — положительно оценочный потенциал.

В русской речи такие репрезентанты концепта, как слова *истинный* и *истинно*, чаще всего воплощают субъективные нравственно-ценностные представления носителей языка о том, как должно быть в мире человеческих отношений, а не о том, «как есть на самом деле». При этом базовая смысловая составляющая в концептуальном содержании истины, связанная с идеей всеобщей закономерности бытия, того, что верно, правильно, сохраняется. Просто, по принципу концептуальной метафоризации, она переносится из мира божественных законов или законов природы в мир норм и правил человеческого существования.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
2. ИМ — *Языковые данные, полученные в результате интернет-мониторинга авторов в русскоязычном сегменте сети интернет*.
3. КСРК — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Академпроект, 1997. — 989 с. — ISBN 5-8291-0007-X.
4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 05.03.2022).
5. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950—1965. — Т. 5. — 1956. — 965 с.

Литература

1. *Агиенко М. И.* Структуры концептов ПРАВДА, ИСТИНА, TRUTH в сопоставительном аспекте : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. И. Агиенко. — Екатеринбург, 2005. — 24 с.
2. *Антропова В. В.* Концепт «истина» в дискурсе разнокачественных печатных СМИ : ценностно-смысловые доминанты / В. В. Антропова // *Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста : материалы Международной научно-практической конференции* (Екатеринбург, 17—18 мая 2018 г.). — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — С. 164—166. — ISBN 978-5-7996-2403-3.
3. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // *Семиотика и информатика : Сборник научных статей*. — Москва : Наука, 1986. — Выпуск 28. — С. 5—33.
4. *Арутюнова Н. Д.* Истина : фон и коннотации / Н. Д. Арутюнова // *Логический анализ языка : Культурные концепты : Сборник научных трудов* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова ; ИЯ АН СССР. — Москва : Наука, 1991. — С. 21—30. — ISBN 5-02-011055-8.

5. *Жаворонкова А. Н.* Концепт *истина* в русском языковом сознании / А. Н. Жаворонкова // Человек в мире культуры. — 2015. — № 1. — С. 49—52.
6. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. — ISBN 5-94457-104-7.
7. *Земскова Н. А.* Концепты ИСТИНА, ПРАВДА, «ложь» как факторы вербализации действительности : когнитивно-прагматический аспект (на материале русского и английского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Земскова. — Краснодар, 2006. — 200 с.
8. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 472 с. — ISBN 5-9551-0022-9.
9. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; Пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. — Москва : Едиториал, 2004. — 356 с. — ISBN 5-354-00222-2.
10. *Лишаев С. А.* ПРАВДА и ИСТИНА (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии) / С. А. Лишаев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2006. — № 1 (4). — С. 173—209.
11. *Логический анализ языка* : Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. — Москва : Наука, 1995. — 201 с. — ISBN 5-02-011254-2.
12. *Лукин В. А.* Концепт истины и слово *истина* в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В. А. Лукин // Вопросы языкознания. — 1993. — № 4. — С. 63—86.
13. *Митрофанова О. И.* Концепты «ПРАВДА» и «ИСТИНА» в лингвострановедческом освещении / О. И. Митрофанова, О. В. Алексеева // Научный альманах. — 2017. — № 1—1 (27). — С. 345—348. — DOI: 10.17117/na.2017.01.01.345.
14. *Радбиль Т. Б.* Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
15. *Радбиль Т. Б.* ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры : материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий / Т. Б. Радбиль, Г. А. Ахметжанова, Ж. Ж. Жумагулова, А. Е. Сералиева, Г. Е. Сералиева // Научный диалог. — 2020а. — № 3. — С. 127—150. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150.
16. *Радбиль Т. Б.* Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета / Т. Б. Радбиль, А. И. Помазов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020б. — Т. 19. — № 1. — С. 140—153. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>.
17. *Радбиль Т. Б.* Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // Вопросы лексикографии. — 2019а. — № 15. — С. 36—59. — DOI: 10.17223/22274200/15/3.
18. *Радбиль Т. Б.* Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019б. — № 2. — С. 27—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.
19. *Ручина Л. И.* Концепт *либерал* : смысловое наполнение в национальном сознании / Л. И. Ручина // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура :

сборник статей по материалам конференции. — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. — С. 244—249. — ISBN 978-5-89533-397-6.

20. *Смирнова Е. Е.* Смысловое наполнение концепта ИСТИНА в лексико-семантической системе русского языка (по данным лексикографических источников) / Е. Е. Смирнова // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 169—182. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-169-182.

21. *Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов* : коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова, Н. А. Бакич, В. А. Торопкина, Е. А. Жданова ; под ред. Л. В. Рацибурской. — Москва : ФЛИНТА ; Наука, 2018. — 232 с. — ISBN 978-5-9765-3801-6.

22. *Черников М. В.* Концепты ПРАВДА и ИСТИНА в русской культурной традиции / М. В. Черников // Общественные науки и современность. — 1999. — № 2. — С. 164—175.

23. *Шатилова Л. М.* Сопоставительный анализ концепта «правда / истина» в русской и французской языковой картине мира / Л. М. Шатилова, В. В. Борисова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 11. — Ч. 2. — С. 175—178.

24. *Шмелев А. Д.* Правда vs истина в диахроническом аспекте / А. Д. Шмелев // *Логический анализ языка : Истина и истинность в культуре и языке* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. — Москва : Наука, 1995. — С. 52—54. — ISBN 5-02-011254-2.

25. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things / G. Lakoff. — 1st publ. 1987 ; Repr. ed. — Chicago, IL : University of Chicago Press, 2015. — 632 p.

26. *Orr Sh.* Predicating Truth : An empirically based analysis / Sh. Orr, M. Ariel // *Journal of Pragmatics*. — Nov. 2021. — Vol. 185. — Pp. 131—145. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>.

27. *Papafragou A.* Epistemic modality and truth conditions / A. Papafragou // *Lingua*. — 2006. — Vol. 116. — Pp. 1688—1702. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2005.05.009>.

28. *Poole R.* Epistemic stance and the construction of knowledge in science writing : A diachronic corpus study / R. Poole, A. Gnann, G. Hahn-Powell // *Journal of English for Academic Purposes*. — November 2019. — Vol. 42. — Pp. 100784. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.100784/>.

29. *Sperber D.* Beyond speaker's meaning / D. Sperber, D. Wilson // *Croatian Journal of Philosophy*. — 2015. — № 15 (44). — Pp. 117—149.

30. *Wierzbicka A.* Understanding Cultures through Their Key Words : English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. — 1st publ. 1997 ; Repr. ed. — New York : Oxford, OUP, 2018. — 328 p. — ISBN 0195088360.

Material resources

Bolshaya tolkovskiy dictionary of the Russian language. (2000). St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Kovar compatible Russian literary language: in 17 volumes, 5. (1950—1965). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. 965 p. (In Russ.).

Language data obtained as a result of Internet monitoring of authors in the Russian-speaking segment of the Internet. (In Russ.).

National Corpus of the Russian language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 05.03.2022). (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience.* Moscow: Akadempromekt. 989 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).

References

- Agienko, M. I. (2005). *Structures of concepts TRUTH, TRUTH, TRUTH in a comparative aspect*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).
- Antropova, V. V. (2018). The concept of "truth" in the discourse of diverse print media: value-semantic dominants. In: *Priorities of mass media and values of the profession of a journalist: materials of the International scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, May 17—18, 2018)*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 164—166. ISBN 978-5-7996-2403-3. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1986). Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world. In: *Semiotics and informatics: Collection of scientific articles*, 28. Moscow: Nauka. 5—33. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1991). Truth: background and connotations. In: *Logical analysis of language: Cultural concepts: Collection of scientific papers*. Moscow: Nauka. 21—30. ISBN 5-02-011055-8. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D., Ryabtseva, N. K. (1995). *Logical analysis of language: Truth and truth in culture and language*. Moscow: Nauka. 201 p. ISBN 5-02-011254-2. (In Russ.).
- Chernikov, M. V. (1999). Concepts of TRUTH and TRUTH in the Russian cultural tradition. *Social sciences and modernity*, 2: 164—175. (In Russ.).
- Kustova, G. I. (2004). *Types of derived meanings and mechanisms of linguistic expansion*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 472 p. ISBN 5-9551-0022-9. (In Russ.).
- Lakoff, J., Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by*. Moscow: Editorial. 356 p. ISBN 5-354-00222-2. (In Russ.).
- Lakoff, G. (2015). *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago, IL: University of Chicago Press. 632 p.
- Lishaev, S. A. (2006). PRAVDA and TRUTH (linguistic conceptualization of the world and thematic originality of Russian philosophy. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. The series "Philosophy. Philology"*, 1 (4): 173—209. (In Russ.).
- Lukin, V. A. (1993). The concept of truth and the word truth in the Russian language (experience of conceptual analysis of rational and irrational in language). *Voprosy linguistics*, 4: 63—86. (In Russ.).
- Mitrofanova, O. I., Alekseeva, O. V. (2017). Concepts of "TRUTH" and "TRUTH" in linguo-cultural coverage. *Nauchnyi dialog*, 1—1 (27): 345—348. DOI: 10.17117/na.2017.01.01.345. (In Russ.).
- Orr, Sh., Ariel, M. (2021). Predicating Truth: An empirically based analysis. *Journal of Pragmatics*, 185: 131—145. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>.
- Papafragou, A. (2006). Epistemic modality and truth conditions. *Lingua*, 116: 1688—1702. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2005.05.009>.
- Poole, R., Ariel, A., Hahn-Powell, G. (2019). Epistemic stance and the construction of knowledge in science writing: A diachronic corpus study. *Journal of English for Academic Purposes*. November, 42: 100784. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.100784/>.
- Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language of the coronavirus era: linguocognitive aspect. *Nauchnyi dialog*, 1: 63—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Akhmetzhanova, G. A., Zhumagulova, Zh. Zh., Seralieva, A. E., Seralieva, G. E. (2020a). SOUL and BODY in Aspect of Comparative Analysis of Cultural Concepts: Materials for Linguoculturological Phraseological Dictionary of Russian-Ka-

- zakh Correspondences. *Nauchnyi dialog*, 3: 127—150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-127-150. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Pomazov, A. I. (2020b). Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 19 (1): 140—153. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Saigin, V. V. (2019a). The concept of “sin” in the context of lexicographic description of key concepts of Russian culture. *Questions of lexicography*, 15: 36—59. DOI: 10.17223/22274200/15/3. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Yukhnova, I. S. (2019b). Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov’s Works. *Nauchnyi dialog*, 2: 27—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V.S (ed.). (2018). *Socio-cultural and pragmatic aspects of modern word-formation processes: collective monograph*. Moscow: FLINTA; Nauka. 232 p. ISBN 978-5-9765-3801-6. (In Russ.).
- Ruchina, L. I. (2018). Concept Liberal: semantic content in the national consciousness. National codes in language and literature. In: *Language and culture: a collection of articles based on the conference materials*. Nizhny Novgorod: DECOM. 244—249. ISBN 978-5-89533-397-6. (In Russ.).
- Shatilova, L. M., Borisova, V. V. (2017). Comparative analysis of the concept “truth / truth” in the Russian and French language picture of the world. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 11 (2): 175—178. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (1995). *Pravda vs pravda in diachronic aspect. Logical analysis of language: Truth and truth in culture and language*. Moscow: Nauka. 52—54. ISBN 5-02-011254-2. (In Russ.).
- Smirnova, E. E. (2017). Semantic content of the concept of TRUTH in the lexical and semantic system of the Russian language (according to lexicographic sources). *Nauchnyi dialog*, 11: 169—182. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-169-182. (In Russ.).
- Sperber, D., Wilson, D. (2015). Beyond speaker’s meaning. *Croatian Journal of Philosophy*, 15 (44): 117—149.
- Wierzbicka, A. (2018). *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford, OUP. 328 p. ISBN 0195088360.
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Key ideas of the Russian language picture of the world: a collection of articles*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 544 p. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).
- Zemskova, N. A. (2006). *Concepts of TRUTH, TRUTH, “lie” as factors of verbalization of reality: cognitive-pragmatic aspect (based on the material of Russian and English languages)*. PhD Diss. Krasnodar. 200 p. (In Russ.).
- Zhavoronkova, A. N. (2015). The concept of truth in the Russian language consciousness. *A man in the world of culture*, 1: 49—52. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 13.04.2022,
одобрена после рецензирования 21.07.2022,
подготовлена к публикации 20.08.2022.